

К 939-В.В

237467

КУРЧАВОВ

ВОИНЫ ВОЛХОВА

ОГИЗ

Ярославское областное издательство

1943

Цена 2 р.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00626264

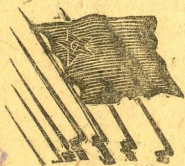
4

32B g

8 et

К 939-В.В. И. КУРЧАВОВ

ВОИНЫ ВОЛХОВА

ПРОВЕРЕНО
ИЗД. 4945

ПРОВЕРЕНО
ИЗД. 1939

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
237467

О Г И З

Ярославское областное издательство

1943

58

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От автора	3
Понтонёры	10
Самый обыкновенный	36
Бессмертие	48
Снайпер Пикалов	60
Ездовой	66
Клочок земли	73
Команда на чужом языке	83
Надюша Ефремова	90

Редактор В. Кудимов. Подписано к печати 23 декабря
1943 г. АК 8753 .Тираж 5000. 3 печ. л., 2,8 авт. л. Цена 2 р.

Типография Ярославского Облиздательства при
Облисполкоме, Республиканская, 61. Зак. № 5886

ОТ АВТОРА

В дни, когда заканчивалась работа над подготовкой книги, произошло знаменательное событие. Прорвана блокада Ленинграда. Воины Невы и Волхова встретились на поле брани, разгорячённые боем, покрытые копотью и пороховым дымом, встретились, чтобы уж больше никогда не раз'единяться.

18 января 1943 года... Пятьсот ночей прислушивались ленинградцы к грохоту орудий, к радио, которое могло принести радостную весть. И вот, переживший все ужасы блокады диктор, срывающимся от волнения голосом, произнёс:

— Блокада Ленинграда прорвана!

Для тысяч ленинградцев это были самые счастливые минуты в их жизни.

В сентябре 1941 года немцы, используя свое численное превосходство, блокировали Ленинград. Вторая столица нашего государства оказалась отрезанной от большой земли. Остался один водный путь — через Ладогу. снабжение города с

несколькими миллионами жителей и целого фронта проходило в условиях ожесточённых бомбёжек и артиллерийского обстрела.

Но город, преодолевая колоссальнейшие трудности, снабжался, жил, ковал оружие для победы.

В октябре 1941 года немецко-фашистские войска повели яростное наступление на Тихвин и Волхов, рассчитывая соединиться с финнами и образовать второе, на этот раз, смертельное, кольцо блокады вокруг города-героя.

Превосходящими силами врага Тихвин был взят. Другая группа немецко-фашистских войск подошла вплотную к Волхову, обстреливая город из орудий и миномётов. Единственная железная дорога, по которой шло питание и боеприпасы к Ладожскому озеру, оказалась перерезанной врагом.

После захвата Тихвина немцы предполагали двигаться двумя колоннами—к реке Свирь—на соединение с финнами и к Вологде—Ярославию.

Воины Волхова в упорных боях отстаивали каждый метр родной земли. Враг был измотан и обескровлен. Части Красной Армии перенесли в наступление и взяли инициативу в свои руки.

В ноябре—декабре 1941 года нашими частями под командованием генерала армии Героя Советского Союза А. А. Мерецкова был разгром-

лен корпус немецкого генерала Шмидта; 9 декабря над Тихвином снова взвился красный советский флаг.

В этот же период наши бойцы под командованием генерал-лейтенанта — Героя Советского Союза И. И. Федюнинского разгромили Шумско-Войбокальскую группировку врага, отбросив немцев далеко от Волхова.

Фашистский кулак повис в воздухе.

Этим могучим ударом был спасён Ленинград. Разгром немцев под Тихвином позволил наладить нормальное движение по ледовой трассе через Ладожское озеро (ленинградцы называли эту трассу «дорогой жизни»).

Зиму, весну и лето войны Волхова в активной обороне продолжали истреблять немцев. Особенно проявили себя наши замечательные снайперы. Немцы больше не показывались на виду. Они предпочитали ползать, сидеть в траншеях, блиндажах. Но меткие стрелки всюду находили и истребляли врага.

Природа на Волховском фронте суровая и жестокая. Частые дожди, опрощные болота, способные засосать в свою бездну технику и людей, земляники со сползающей грязью, где даже ноги просушить нельзя, — все это накладывает свой неизгладимый отпечаток на боевую жизнь вол-

ховцев. Недаром и немцы широко рекламируют этот участок фронта, заявляя: «Тот не солдат, кто не бывал на Волхове». Конечно, виной этому не болота и климат. Сказались жестокие удары наших частей, которые много раз обрушивались на врага.

И всегда — в тягостные минуты отступления, напряжённые дни обороны — каждый волховец думал: скорее бы настал день решительного штурма, время беспощадной мести врагу за раны города, за осквернённые живописные пригороды, за тысячи убитых и умерших от голода ленинградцев суровой зимой 1942 года.

Этот день настал. 12 января войскам Волховского фронта был передан сталинский приказ — прорвать блокаду!

На рассвете с двух сторон загрела мощная артиллерийская канонада. Началась решительная битва. Нашим войскам предстояло преодолеть сплошные минные поля, высокие валы, густые проволочные заграждения, несколько линий дотов и дзотов.

Два часа свирепствовал огонь нашей артиллерии, сотрясаясь земля от непрерывных бомбёжек. Удар был настолько силен, что даже фашистские смертники не выдержали. В 11 ча-

сов 15 минут наша пехота начала штурм. Фронт был прорван в двух местах.

На подступах к Синявину есть роща, где не осталось ни одного целого деревца. «Круглая» — именуют её в оперативных документах. На эту рощу немцы возлагали большие надежды. «Круглая» — важный узел обороны немцев на главной их коммуникации — была обнесена дерево-земляным валом толщиной до двух метров. 45 дзотов насчитывалось на маленьком участке. И каждый из них извергал ливень свинца и стали. Перекрёстный огонь надёжно охранял подступы к роще. Танкодоступные пространства противник покрыл плотным кольцом минных полей.

Наша артиллерия действовала здесь столь успешно, что совершенно деморализовала немецкий гарнизон. С ужасом говорят пленные немцы об этих минутах, называя их сущим адом. Пехота добила растерявшихся, но всё ещё зло опрызавшихся фрицев. Пятьдесят пленных, уничтоженный полк — таковы итоги боя, итоги борьбы доблестных воинов части Полякова, ставшей затем гвардейской.

Шаг за шагом шли волховцы к благородной цели. Бои были упорные, тяжёлые. Немцы беспрочно сопротивлялись. Гитлер предупредил своих офицеров, находившихся под Ленинградом, что

блокада города связана не только с военным, но и политическим престижем Германии.

Но как яростно ни сопротивлялся враг, волховцы каждый день теснили его, освобождая родную землю — истерзанную, развороченную боями, покрытую сотнями тысяч осколков металла. С каждым днём всё явственнее, громче слышались они миномётные выстрелы и пулемётные очереди, доносившиеся с Невы.

17 января день и ночь наши подразделения непрерывно атаковали немцев. В 10 часов утра 18 января наша артиллерия открыла ураганный, уничтожающий огонь. В 10.30 пехота штурмом прошла рощу и вышла с южной её окраины к рабочему посёлку — сильно укреплённому опорному пункту противника.

Всё тремело вокруг; разрывы мин и снарядов завлакивали местность чёрным едким дымом. В этом дыму волховцы и заметили бегущие навстречу фигуры. Ошибки быть не могло: свои, родные боевые товарищи в серых шинелях. Шестнадцать долгих месяцев люди ждали этих минут. Они наступили. Пришли в разгар боя, когда и торжественно-то нельзя отметить этот исторически - победный час. Рослый, покрытый загаром боя ленинградец Братешко вспоминал эти волнующие минуты:

— Мы шли вдоль насыпи. Мы ещё не видели волховцев, но знали, что они недалеко. Наше подразделение выбивало немцев из леска. Немцы побежали назад. Вдруг слева, по ту сторону насыпи, совсем близко, мы увидели своих. Они нас тоже заметили, и мы узнали друг друга. Мы упали друг другу в объятия, и радости нашей не было конца. Кругом гремели возгласы: «Да здравствуют родные волховцы!», «Да здравствуют наши братья-ленинградцы!», «Да здравствует Сталин!» Но времени было мало, чтобы праздновать эту встречу. Мы немедленно повернули на юг, чтобы чпать врага дальше.

После этой встречи наши части овладели ещё рядом укрепленных пунктов. Блокада Ленинграда прорвана, город получил наземную связь со страной. Победа—трудная и долгожданная — пришла.

В этой книге рассказывается о войнах Волхова, чьи помыслы всегда сводились к одному—освободить Ленинград.

ФРОНТ, февраль 1943 г.

ПОНТОНЕРЫ

1. ПЕРЕПРАВА

БОЕЦ стоял подтянутый, собранный. В глазах светились спокойствие и уверенность. Он выслушивал приказ командира понтонно-мостового батальона:

— Задача, товарищ Щёголев, предстоит серьёзная... Сегодня штаб оперативной группы совершает вылазку. От нашего батальона приказано выделить самых опытных разведчиков. Нужно произвести разведку берега и наметить место переправы. Исполнителем назначаетесь вы... Поняли задачу, товарищ Щёголев?

— Понятно, товарищ капитан! Будет сделано!

Щёголев вышел из полуразрушенного домика, где помещался штаб батальона. За окoliцей посёлка рвались вражеские снаряды. Накрапывал спорый осенний дождь. Словно факелы, взвивались в небо немецкие ракеты, мелькали

трассирующие пули, оставляя за собой узкий светящийся след.

Вдали, на северо-запад, ночную темень прорезали яркие лучи прожекторов. Острымисто духали зенитки. Слышались тяжёлые взрывы фугасных бомб. Фашистские стервятники совершали очередной бандитский налёт на Ленинград.

Подумав о родном городе, Щёголев с яростью надвинул плотнее пилотку на лоб и торопливо зашагал по мостовой, поблескивающей лужами. Остановился у незаметной во мраке землянки, нащупал дверь, с силой толкнул её. В помещении было темно, в углу раздавался храп. Щёголев зажёл спичку, потрогал бойцов и те сразу вскочили.

— На берег, в разведку!

**

Река бушевала. Перекатываясь и нагоняя друг друга, волны с силой выбрасывались на берег. Шумели потревоженные камни и ракушки. С крутого и обрывистого берега крупными комьями сползал рыхлый песок. Казалось, река сердилась и не могла примириться с теми, кто залёг на левом её берегу.

Разведчики шли по правому, медленно сползающая каскадный выступ, измеряя глубину. Ночная

тьма была их союзницей. Малейшая искорка света выдала бы их пулемётам, врытым на противоположном берегу реки. Беспрерывно, с вечера и до утра, немцы строчили из них по нашему берегу.

Вспыхивали вражеские ракеты. И пока свет от них рассыпью звездочек катился по небу, понтоны прирастали к земле.

Щёголев наметил удачное место.

— Здесь и будет переправа, — сказал он, подумав. — Вот только река волнуется, не подвела бы.

— Не подведет, она сознательная, — пошутил красноармеец Сакулин, — обожди, через пару дней успокоится!

Утром Щёголев доложил о выполнении задания:

— Спуск к реке отлогий, скрытный. Подхода наших частей немцы не обнаружат. В дальнейшем сапёрам кое-где поработать придётся.

И начертил подробную схему подступов к реке.

По замыслу Щёголева пехоту следовало провести к реке, используя глубокий овраг. Оврагом же пронести лодки и боеприпасы. Немедленно спустить лодки на воду и форсировать реку под покровом осенней ночи.

Комбат с удовольствием поглядывал на разведчика. Капитан хорошо знал этого способного, энергичного красноармейца, прошедшего с ним суровый, боевой путь. Щёголев строил мосты через глубокие, обрывистые ручьи и крутые овраги, налаживал переправы на многоводных, широких реках. Война дала юноше жизненный опыт и прекрасные знания в той специальности, о которой несколько месяцев назад он не имел ни малейшего представления. Когда Щёголев высказал подробности продуманного им плана переправы, капитан велел ему отдыхать:

— Работы впереди много. А за разведку — благодарю. Молодцы!

Щёголев вышел на улицу. Он спешил сообщить друзьям благодарность командира и передать им строгое приказание — спать!

Комбат ещё долго сидел над чертежами и схемами. Он понимал всю ответственность, взятую на себя. Ещё день — два и этот относительно тихий участок будет дрожать от артиллерийской канонады. Заговорят десятки пулемётов и миномётов. Но не взирая ни на что, его понтонёры, во имя благородной цели — освобождения Ленинграда, поведут свои вёрткие, перегруженные лодчонки. И от того, как пройдет

подготовка, зависят судьбы сотен бойцов и командиров, успех всей операции.

Вечером комбат вызвал к себе лейтенанта Фёдорова. Перебирая списанные мелким почерком листы, он объяснил задачу: ночью произвести рекогносцировку, точно наметить участки для четырех—пяти переправ, тщательно продумать план доставки лодок к берегу, определить место для укрытия расчётов.

Фёдоров со своими понтонёрами работал всю ночь. Вернулся под утро. Задание было выполнено. Самое трудное, однако, оставалось ещё впереди.

*
**

Форсирование реки командующий назначил в ночь на семнадцатое сентября. Накануне вечером был получен приказ: ночью, используя темноту, начать переправу; артподготовки не производить—пусть противник не настораживается; лодки и людей сосредоточить в указанном месте. Срок на подготовку—три часа.

Громоздкое хозяйство понтонёров к моменту получения приказа было уже подготовлено.

Прошло два с половиной часа, и к переправе всё было готово.

Немцы, как обычно, вели огонь массирован-

ными налётами. В один из таких налётов ярко запылали два больших дома в поселке. Стало светло как днём.

— Не тушить!—приказал генерал.

Враг не должен был знать, что в посёлке людей больше, чем обычно. Пусть думает, что люди куда-то передвинулись, а может и покинули это место.

Всю ночь торели дома. Всю ночь пролежали бойцы на исходном рубеже. Густая липкая грязь заменяла постели.

Командующий отложил переправу.

17 сентября с наступлением темноты подвижные и вместительные лодки были перенесены к реке. В полночь должна была начаться переправа.

Окатывая отлогий спуск берега волнами, бушевала река. Враг стрелял изредка. Короткие пулёмётные очереди врывались посторонними звуками в мертвую тишину ночи; но снова всё замолкало. Настороженный слух ловил лишь всплески волн.

Понтонёры, на плечах перенесшие тяжёлые лодки, приготовились и ждали момента.

Группа пехотинцев полковника Седых бесшумно пробралась к берегу и также бесшумно произвела посадку на лодки. Первыми тихими,

осторожными звуками были всплески вёсел. Понтонёры, набирая скорость, гребли уверенно.

Лодки приближались к противоположному берегу. Немцы бросили ракеты, — одну, другую. Свет вырвал из темноты узкую полосу воды и враг увидел то, чего он больше всего боялся: десятки лодок, форсирующих реку.

Заговорили пулемёты, миномёты, артиллерия. Враг бил по воде настильным пулемётным огнём; тысячи фонтанчиков вскипали на поверхности реки. Бухали прямой наводкой пушки, со свистом, взбудораживая воду, проносились мины.

Понтонёры налегли на весла, в работу включились пехотинцы, орудуя кто рукой, кто лопатой. Ещё полторы — две минуты и лодки пристали к берегу.

Бойцы высадились. Поднимаясь на крутой берег, зашвыривая гранаты высоко вверх, они выковыривали гитлеровцев штыками из всех укромных местечек и нор. Каждый шаг приходилось брать с боя. Враг цеплялся за берег, стремясь во что бы то ни стало удержать рубеж. Пехотинцы дрались с исключительным упорством. Взбежав по береговому откосу, они закрепились на нём.

А понтонёры, делая рейс за рейсом, спешили перебросить подкрепления. Переправа для нем-

цев уже не была неожиданностью. И они сосредоточили на середине реки всю силу огня. Снаряды, поднимая опромные фонтаны, перевёртывали лодки, и люди падали в воду. Но назад они не плыли. Пехотинцы знали одно слово, ставшее в этот момент непреложным законом жизни: вперёд, только вперёд! В ночной темени, озаряемой огненными вспышками, десятки бойцов, преодолевая быстрое течение, отвоевывали у реки метр за метром. Добирались до берега и сразу же устремлялись в бой, помоя ожесточенно сражающимся товарищам. Упорство и дерзость советской пехоты преодолели свинцовый ураган пулемётов, губительный огонь артиллерии и миномётов. Берег был очищен ещё до рассвета.

Едва забрезжило утро переправу пришлось прекратить: лодки были отчётливо видны, и пятьсот метров реки становились неодолимой преградой.

Понимая, что дальнейшая переправа наших войск невозможна, что у красноармейцев вот-вот иссякнут боеприпасы, фашисты бросили свежие силы. Передние из них уже злорадно выкрикивали:

— Русс, сдавайся! Русс капут!

Пути назад у красноармейцев действительно не было. И не нашлось среди них ни одного человека, который помыслил бы об этом пути.

237467

— Врёшь, не капут! — кричали пехотинцы, и десятки гранат летели в самую гущу врагов.

Понтонёры, из-за реки наблюдавшие бой, в начале не могли понять происходившее. Стрельба с нашей стороны стала реже, затем затихла совсем. Фашисты с тиком и свистом бросились вперёд. Они были уже в десяти метрах от наших траншей, когда пехотинцы снова пустили в ход гранаты.

— Ясно, — нахмурясь сказал лейтенант Фёдоров. — Патроны вышли, гранатами отбиваются. Плохо дело!

А фашисты всё напирали. Бойцы уже перестали бросать и гранаты, они теперь подпускали врага вплотную, стремительно выпрыгивали из траншей и действовали штыком и прикладом.

Враг откатывался снова и снова.

Вымещая злобу за свои неудачи, фашисты сконцентрировали на этом «пятачке» весь огонь артиллерии. Казалось, под непрерывными разрывами стонет сама земля.

Щёголев стоял на противоположном берегу бледный, расстроенный. Он несколько раз пытался сорваться с места, но сила разума каждый раз заставляла его склоняться в узкой щели, вокруг которой рвались часто снаряды.

Щёголев, наконец, не выдержал.

Он поднялся и, несмотря на бушующий огонь, пошёл во весь рост к берегу, наклонился, поднял один ящик с патронами, другой... И затем, с лихорадочною поспешностью стал бросать в лодку эти ящики и гранаты и пулемётные диски... Проворно вскочив туда же, он с силой нажал на вёсла.

Видимо, дерзость понтонёра ошеломила немцев. В первые секунды не было стрельбы. Но затем ещё яростней заговорили пулемёты и автоматы.

— Держись, братва, всё везу! — закричал Щёголев в пространство, позабыв о том, что его не услышат.

Ветер стал относить лодку вправо, к вражескому берегу. Лишкий пот покрыл обветренное лицо бойца. Он грёб теперь изо всех сил и видел, что преодолевает бурные воды реки.

«Смелого пуля не берёт» — правдиво говорит русская пословица. Щёголев невредимым добрался до того берега. Ярость удесятирила силы его, и тяжёлые ящики он таскал, не чувствуя усталости. Но ему уже бросились помогать товарищи. Через несколько минут ящики были наверху, где каждый патрон расценивался на вес золота.

Выполнив дело своё, боец спускался вниз по крутому обрыву. Также свирепо извергала огонь артиллерия, свистели мины. Щёголев подобрал несколько раненых, перевязал их и бережно усадил в лодку.

Он был уже на середине реки, когда услышал мощное «ура». Это пехотинцы шли в атаку, расстреливая врага пулемётным огнём и глуша гранатами.

Недалеко от берега пронзительно просвистела мина и раздался взрыв. Набежавшей волной едва не опрокинуло пробитую осколками лодку. В отверстие стала набираться вода. Теперь нужно было ещё и откачивать воду.

Комбат встретил Щёголева как героя. Обнял его и расцеловал.

— Молодец! Какой молодец, а! — говорил он, не скрывая своего волнения.

...Поздно вечером в расположение батальона явился командир пехотного подразделения. Он долго жал руку понтонёра, чей подвиг спас жизнь многих бойцов. Он рассказал, что пехотинцы, получив боеприпасы, не только удержали рубеж, но, воодушевлённые подвигом неизвестного понтонёра, перешли в контратаку и, отбросив фашистов, продвинулись метров на семьсот вперёд.

Ночью, тогда темень снова окутала землю, переправа возобновилась. Рубеж для развития успеха теперь был отвоёван у врага. И снова, под шквальным огнём, шестые сутки не смыкая глаз, самоотверженно работали бойцы и командиры понтонного батальона.

2. РЕКУ ФОРСИРУЮТ ТАНКИ

... Ноябрьская ночь — морозная, тёмная. Слышны безостановочный стрекот пулемёта, пронзительный свист мин, глухие раскаты взрывов. И вдруг в эти привычные звуки врываются посторонние — рокот мощного мотора и лязг гусениц, да совсем мирный стук топора.

Немцы слушают. Даже пулемёт на время умолк. Крутом водарилась необыкновенная тишина — мёртвая, пугающая своей шеестественностью.

— Перед бурей, — заметил капитан Маяжечич. — Сейчас начнут крыть.

Командир не ошибся. Через пятнадцать минут послышались первые одиночные выстрелы. Огонь усиливался и на шестой минуте достиг своего предела: в воздухе стоял сплошной протяжный гул разрывов, дрожала и рушилась земля, а немцы били и били...

Стук топора прекратился, затих и мотор. Но через некоторое время надоедливые звуки повторились. И опять забушевал огневой шквал.

— Психуйте, гады! — улыбнулся политрук Вагатов. — А мы уж как-нибудь под музыку вашу закончим... — А ну, взяли дружнее, — обратился он к понтонёрам, — торопись, хлопцы, пока немцы помогают!

И понтонёры, словно заправские бурлаки, налегли на лямку, стронули полупонтон и потянули вниз вместе с глыбами мёрзлой земли.

Пока фашисты били по ложному следу, не далее трёхсот метров от них понтонёры строили грандиозную переправу. Вот поэтому так и стучал нарочито громко в противоположной стороне топор и с необычайным треском проворачивался изношенный мотор дряхлого трактора.

Озабоченный капитан Манкевич ходил от одной группы к другой. Он знал, что сейчас нужны сверхчеловеческие усилия, и поэтому старался побывать на каждом участке работы. Одних он ободрял горячим словом, другим помогал, впрягаясь в лямку.

Сырые брёвна казались свинцовыми; требовалась виртуозность циркача, чтоб под неумолимо

тяжёлым грузом сохранять равновесие на узкой тропе и не сорваться в овраг.

Но бойцы не теряли присутствия духа даже в моменты, когда разорвавшийся снаряд отрывал сверху глыбу земли и она, рассыпаясь, неслась прямо на понтонёров. Под градом мёрзлых комьев понтонёры продолжали спокойно продвигаться к реке, где было намечено сооружение танковой переправы.

Но вот все полупонтоны поднесены к реке. Теперь надо спустить их на воду. Но тут преградой оказался лёд; мороз прочно припаял его толстые слои к крутому срезу берега. Он казался недоступным — этот прозрачный, похожий на стекло, лёд. А скалывать нельзя, — услышит противник. Прикрепить же к берегу первые полупонтоны могли бы только смельчаки, способные войти по грудь в ледяную воду.

Комбат посмотрел на бойцов и хотел что-то сказать. Но его поняли без слов.

— Меняю душ на ванну, — весело произнёс боец Новиков.

Он быстро сбросил с себя шинель и, взобравшись на ледяную глыбу, прыгнул вниз. Вода нестерпимо больно, будто клещами, охватила тело.

— Эх, хороша водичка! В самый раз, братцы! — не унимался Новиков, обращаясь к бой-

цам. Великое дело шутка в трудную минуту. Бойцы уже торопливо скидывали шинели. Промоздкий полупонтон повиновался. Разрушая собственнй тяжестью ледяные массивы, он послушно пополз вниз, и неуклюжей промадой плюхнулся в воду, обдав понтонёров потоками леденящих брызг.

— За одну плату и душ, и ванна, — силился улыбнуться Новиков, но на этот раз улыбки не получилось: лицо у него посинело от холода, зубы выбивали мелкую дробь, а ноги и руки сводила судорога.

Бойцы продолжали подтягивать понтоны к берегу, закрепляя их коленными пальцами; у многих руки уже переставали повиноваться, и были нестерпимо ноги и грудь...

Несколько раз комбат пытался вызвать понтонёров на сушу и заменить их другими, но бойцы, сурово отмалчиваясь, продолжали крепить понтоны.

Эстакада была сооружена досрочно талантом, смекалкой и мужеством понтонёров. Теперь прямо на воде развернулось строительство шара. Шесть полупонтонов один за другим плавно спускались в воду. Их крепили балками, делая прогоны прочными и надёжными. К полуночи шаром был готов.

— Начнём, товарищи! — с подчеркнутой торжественностью произнёс комбат. — Связной!

— Разрешите мне согреться, — вызвался Новиков, — зараз, слетаю!

— Действуй! — охотно согласился капитан.

...К переправе незаметно приближались две вёрткие танкетки — для проверки прочности. «Опытные» без особого труда взойшли на сооружение. Паром потонул в воду всего лишь на несколько сантиметров.

— Эх, хорош паромчик! — заметил кто-то из бойцов.

Снаряды продолжали свистеть, но к ним уже здесь привыкли и не обращали внимания.

Но вдруг перед самым отплытием снаряд крупнокалиберной гаубицы угодил прямо в паром. Заскрежетала развороченная сталь танкеток. Высоко взметнулись обломки брёвен и щепки от понтонов.

И это не внесло паники. Тяжело раненые, сдерживая стоны, со сжатыми зубами лежали на полуразбитом пароме. Им казалось, что стоны услышит враг и тогда — конец переправе, неизмеримому труду, провал всей танковой операции.

Люди снова пошли в воду. И снова трудились, заделывая пробоины, заменяя разбитые бревна

новыми, строя заново разбитый паром. Каждую минуту случайный снаряд мог поднять их в воздух вместе со всем сооружением, но бойцы работали, не задумываясь над опасностью: ведь на том берегу пехотинцы с нетерпением ждали танков.

И снова всё было готово к переправе...

Стальная 52-тонная машина, управляемая водителем-виртуозом, медленно приближалась, осторожно, над самым обрывом спускаясь по крутой и узкой дорожке. Тихо и ровно работал приглушённый мотор.

— Смотри, «КВ» стучит тише, чем твои часы,—кивнул головой Новиков, красноармейцу Исайкову.

— Ну, ты, приятель, брось на часы поклёп возводить. Кстати, посмотрим, сколько времени займёт переправа. А ты... — Исайков вдруг озабоченно спросил,—что с тобою? Лица на тебе нет.

— Простудился я, Петя, ничего — пройдёт! — уклончиво ответил Новиков, — смотри-ка, смотри!

Придавливая бревна, скрипя и чуть слышно гроыхая, танк с осторожностью всходил на паром.

— Здорово орудуешь, я на велосипеде, по-

жалуй, так не проеду! — кивнул Новиков водителю танка.

— Пустяк! Вот вы за ночь натворили — это да! А проехать — удали мало.

Волновались бойцы, сосредоточен, серьёзен был их командир: выдержит ли, не рухнет ли всё это под тяжестью трёх тысяч пудов.

Но не рухнуло, выдержало! Только всё глубже в воду оседал придавленный паром. Первый танк сопровождали добровольцы. Они знали, что стоит врагу заметить переправу, и всё будет разбито, истреблено, уничтожено. Никто не уйдёт живым. Однако, добровольцев оказалось в два раза больше, чем было нужно, и половине пришлось отказать. Бойцы припали тудю к канату, — и паром тронулся с места.

На него сразу же нажали ледяные громады. Затрещали поперечные балки, сухие доски понтонов обрушились. Стальной трос вытянулся, как тетива. Лёд продолжал напирать, грозя сорвать паром и унести его вместе с людьми и танком на запад, — прямо в руки врага. Минуты были критические. К месту грозящей катастрофы бросились люди.

Тридцать пехотинцев мгновенно потянули сброшенные канаты, освобождая танк из ледяного плена. Напрягая все силы, они вытягивали

паром вверх против течения, ослабляя нажим на трещащий трос.

Враг методически обстреливал реку. Понтонёры, плотно прижимаясь к танку, готовы были скорее погибнуть, чем потерять этого красавца, с любовью сделанного руками мужественных ленинградцев.

Но вот паром медленно подошёл к противоположному берегу. Так же тихо и плавно заработал мотор. Построенная в невиданно рекордные сроки пристань блестяще выдержала экзамен. Бойцы-пехотинцы, сапёры, танкисты, понтонёры, все они радовались, как дети: бегали вокруг своего первенца, пожимали друг другу руки, обнимались...

Это была большая победа.

— Час десять, — взглянув на часы, проговорил Исайков, — это сносно.

Иными словами — вся эта большая и сложная работа — проход по крутому обрыву, въезд по качающимся бревнам на паром, плавание приливне свинца, выгрузка на берег, где не было ни укрытия, ни сглаженного подъёма, — была проделана за семьдесят коротких минут.

В тот момент, когда была подана команда на обратный рейс, с красноармейцем Новиковым

случилось что-то непонятное. Он неожиданно покачнулся и упал. К нему подбежали товарищи.

— Политрука... — прошептал он.

Политрук Ваганов был тут же.

— Что с тобою, товарищ Новиков?

— Ранен я, товарищ политрук.

— Как ранен? Обстрела же сейчас не было.

— Да это ещё в первый налёт, когда разбили танкетки.

Новиков тяжело дышал, он попросил холодной воды. Политрук снял свою флягу. Раненый пил долго, не отрываясь.

— Почему вы сразу на медпункт не ушли? Нехорошо, товарищ Новиков!

— Не мог я... — дыхание Новикова прерывалось, но неотрывно глядя на склонённого над ним политрука, он силился приподнять отяжелевшую голову: — послушайте...

— Лежи, лежи, не поднимайся!

Но Новиков собрал остатки сил и заговорил легко:

— Знаете... не мог я уйти... Вчера... ну, вот, когда вы читали нам доклад товарища Сталина... На торжественном заседании... Я, помните, товарищ политрук, тогда выступил... Товарищей заверил, что выполню долг до конца...

Новиков закашлялся протяжно, со свистом...

— К тому же, если уж так поработали, то надо было мне и сопроводить танк... Да...

Политрук пожал холодеющую руку бойца, снял свою шинель и заботливо укрыл раненого.

В эту минуту льдина толкнула паром, и Новиков впал в полузабытьё. Он лежал спокойно, вытянувшись во весь рост, а политрук, склонившись, словно над родным, поправлял бойцу непокорные, пустые волосы.

— Герой... молодец, товарищ Новиков, — тихо произнёс он, — нет, браток, ты будешь жить! Такие не погибают!

Переправа продолжалась до утра. Перед рассветом понтонёры набросали хламу на месте переправы, и берег принял прежний унылый вид. Комбат запретил появляться здесь даже отдельным бойцам. Враг не должен был даже догадываться о том, что произошло здесь ночью.

Восемь суток подряд продолжалась эта невероятная операция. Восемь тёмных ночей стучал одинокий топор вдали, и фашисты били тысячами снарядов по пустынному берегу.

Немецкие газеты, захлебываясь от восторга, описывали, как их «доблестные» грабьармейцы срывали одну за другой переправы большевистских танков.

А танки — тяжёлые, средние и лёгкие про-

должали десятками форсировать водную преграду.

В эти дни нельзя было выделить героизма отдельных понтонёров. Работали все одинаково — отлично. Все находились на переправе несколько суток подряд без сна, не обращая внимания на протяжный свист мин и глухие разрывы. Раненые не уходили с берега. Никто не дрогнул, не спасовал. Переправа потребовала жертв. Понтонёры не прятались от смерти и, когда было нужно, отдавали свои чудесные жизни во имя победы. Так погибли политрук Ватапов и ефрейтор Исайков. Они погибли на боевом посту, как погибает герой-лётчик в лобовой атаке или пехотинец в пылу рукопашной схватки.

Однажды был особенно трудный день. Немцы вели по левому берегу шквальный огонь. Комбат Манкевич перед тем уже трое суток не уходил в землянку; он осунулся, глаза его опухли от напряжения и бессонницы.

К берегу причаливал промоздкий паром с танком «КВ». Когда танк сходил на берег, послышался разрыв, мелкие осколки, как горох, застучали по толстой броне. Повреждённый мотор заглох. Манкевич, не раздумывая, бросился к трактору, сел рядом с водителем и привёл тачку прямо к месту аварии. Здесь он помог бойцам

быстро и прочно закрепить стальные тросы. Трактор рванулся вперёд. И вновь раздался, на этот раз совсем близко, разрыв снаряда. Сражённый осколком комбат упал. К нему подбежали бойцы, окружили его.

— Прощайте, товарищи, — прошептал капитан, — прощу... и замолк. И вновь с трудом открыл глаза:

— Завтра... танки... будут нужны... Нажмите...

Хотел подняться и упал без сознания. Бойцы сняли шапки-ушанки, склонили головы. Стояли тихо, не двигаясь. Огневой налёт продолжался. Снаряды рвались десятками, а понтонёры стояли с обнажёнными головами, до боли прикусив губы. Так, молча, клялись они отомстить врагу за смерть любимого командира. Их клятва была твёрдой и нерушимой.

В эту суровую по событиям ночь понтонёры переправили через реку двенадцать тяжёлых танков.

Ранним утром разразилась артиллерийская канонада.

Молотили, крушили до основания, поднимая в воздух всё вокруг, тяжёлые орудия будущих гвардейцев полковника Жданова. Били десятки других орудий и тяжёлые миномёты. Краснозвёздные бомбардировщики, сбросив смертонос-

ный пруж, снeпили на свои аэродромы. Чёрный дым расползался по земле.

Тогда мощные советские танки стремительно понеслись в атаку. Стальные великаны давили всей своей тяжестью землянки, блиндажи, пулемёты, орудия, доты и вдавливали в землю убегающих фашистских солдат.

Танкисты беспощадно мстили врагу за всё совершённое им зло.

3. ЗА ЛОДКАМИ...

Комбат, нахмутив брови, задумался:

— Да... дела!

В эту ночь массированным артиллерийским и миномётным огнём был разбит весь лодочный парк. Посланные за лодками и другим имуществом машины должны были вернуться не раньше следующего дня. Обстановка же внезапно потребовала начать переправу немедленно.

На помощь пришёл лейтенант Алексей Фёдоров. Уроженец Пскова, он часто бывал на озёрах вокруг этого старинного русского города, любил свою реку Великую. Нередко на досуге рыбачил; породнившись с водной стихией, он знал цену рыбацким лодкам:

— Найдём, будут лодки ко времени!—сказал он, словно эти пустяковые вещи были у него в

кармане и оставалось только выложить их на стол.

— Где? — удивился капитан.

— На-днях я был на реке, повыше, с километр отсюда. Там около сотни рыбацких лодок. Думаю, подойдут.

— Но ведь они под самым носом у немцев?

— Уж ежели мы переправу под носом врага совершили, так лодки-то вывезем! — усмехнулся Фёдоров.

С лейтенантом вызвались идти двое: сержант Власов и красноармеец Кухаркин, — смелые, в полном смысле слова прошедшие огонь и воду бойцы. Фёдоров доверял им как самому себе.

По дороге командир роты настойчиво повторял понтона́рам:

— Главное, товарищи, — тишина. Спустим лодки на воду, свяжем канатиком и — по течению. Чтоб ни скрипнуть, ни стукнуть — ни-ни! Разговаривать с уха на ухо, шепотом. Враг хитрый, а мы ещё хитрее!..

Группа осторожно спускалась вниз. Ползли на четвереньках, крадучись, прощупывали тропинку руками, чтобы не сбить ни камешка. Когда вспыхивал свет от ракеты, прижимались к земле и лежали.

Подобравшись к лодкам, пересмотрели их с

осторожностью. Лежа, ползком, стаскивали их на воду. Сержант Власов связывал исправные лодки канатом, а негодные пускал по течению, — они ушлывали, наполняясь водой. Когда восемьдесят отобранных лодок были прочно связаны, лейтенант шопотом дал команду.

Едва погас свет очередной фашистской ракеты, флотилия тронулась.

Немцы обнаружили движение минут через пять. Десятки снарядов вздыбили воду.

— Лежать так! — крикнул Фёдоров и сам бросился к разбитым лодкам, перерезал ножом верёвку. Обломки, прозившие задержать караван, отделившись от него, понеслись по течению. Свет ракеты вырвал из мрака расщеплённые, перевёрнутые днища, куски бортов... Приняв остатки этих шестнадцати лодок за весь караван, немцы прекратили налёт.

...Мокрый, усталый, но гордый результатами, Фёдоров докладывал комбату:

— Втёрли мы фрицам очки! Доставлено 64 исправных рыбацких лодки. Разрешите начать переправу?

— Приступайте, — ответил капитан.

Переправа возобновилась...

Апрель 1942 г.

САМЫЙ ОБЫКНОВЕННЫЙ

Вечером, когда багровое солнце дошло до круглого ската горы, Пётр Першин собрал «недовольных».

— Вчера Новиков Алексей ко мне обратился с претензией, — сказал Першин. — Почему, говорит, поставили меня в такие условия, что даже счёт открыть не могу. Стрелком, как будто, считалось хорошим, а ни одной фашистской гадины не пристрелил. Перед друзьями, говорит, стыдно.

Першин в душе понимал, что Новиков по-своему прав. Он, как и товарищи его по разведке, принадлежал к числу отважных и ловких бойцов.

Не раз бывали разведчики в тылу врага, но, строго подчиняясь приказу, в бой не вступали. Першин не без труда сдерживался и сам,

чтобы не броситься на проходившего мимо врага и не проколоть штыком. Но приказ есть закон. Поиски разведчиков обычно бывали накануне серьёзных операций и командование всегда с нетерпением ожидало данных разведки. Ведь по этим данным наши части нащупывали наиболее уязвимые места вражеской обороны.

Разведчики знали об этом, но Першин терпеливо разъяснял им это ещё раз, сказав в заключение:

— Сегодня ночью мы имеем новую задачу—не только разведывать, но и охотиться. Короче говоря—курс на истребление.

Это поле когда-то было ровным. Теперь его не узнать: кругом глубокие воронки от разрывов, разбитые зарядные ящики, десятки вражеских трупов, застывших в самых странных позах: враги бежали и здесь их накрыла наша артиллерия. В белой дымке тонут очертания далёкого пригорка. Сюда бесшумно двинулись наши разведчики. Застрочил пулемёт, и они рванулись вперёд, быстро преодолевая метр за метром. Замолк пулемёт и в ту же секунду притихли бойцы. Они хорошо помнили приказ

командира: двигаться под пулемётную музыку и ни в коем случае не обнаруживать себя.

— Осторожность — не трусость, — часто говорил старший сержант Першин.

Километр был позади, но какой километр! Разведчики ползли, презирая смерть, ибо каждый клочок земли таил в себе прозную опасность — врат густо насадил мины, а поляну с трёх сторон простреливал перекрёстным огнём.

Внезапно послышались чьи-то шаги. Разведчики насторожились. Из-за куста появилась фигура немецкого часового. На голове у него была пилотка, а шея повязана женским платком. Он был больше похож на оборванца, чем на солдата регулярной армии.

— Эх, шпана! — со злобой проговорил Першин, вскидывая автомат. Он неторопливо прицелился. Прозвучал одинокий выстрел и фринц, взмахнув руками, ткнулся вниз лицом.

Путь был свободен. Оценив обстановку, Першин разбил отделение на мелкие группы — по два человека. Бойцам Тетерину и Рылеву он приказал бесшумно пробраться к блиндажу, взорвать его и вывести из строя стоящие у дерева винтовки. Новикову и Яблокову — оседлать траншею и, если появятся немцы, расстреливать их в упор. Сам командир и боец Смирнов долж-

ны были уничтожить пушку и пулемёт, а также расчёты.

Приказ отдавался не дольше минуты. Командир предупредил разведчиков:

— Действовать быстро! Сейчас «фрицы» объявят тревогу.

Першин был прав. Немецкий орудийный расчёт, испугнутый выстрелом, поднял панику. Немцы бросились к пушке, но было уже поздно. Першин их опередил. Он быстро рванулся вперёд и бросил связку гранат. Фонтан земли поднялся выше деревьев. Несколько гитлеровцев упали, как подкошенные. Совершив короткую перебежку и добравшись до огневых позиций, врага, Першин прикостил штыком ещё не опомнившихся фашистов. Две противотанковые гранаты потребовались, чтобы вывести из строя пушку.

Через пару минут землю потряс глухой взрыв — это Тетерин и Рылев через дымоход бросили во вражескую землянку связку гранат.

Автоматы и винтовки, стоявшие у дерева, были быстро приведены в негодность. Их били прикладами о землю, хрупкие части разламывали на куски, разбрасывали в стороны затворы. Винтовок оказалось штук семьдесят — работы было достаточно.

Не повезло лишь Смирнову. Сначала всё шло по плану: немец строчил из пулемёта и не замечал, что делается позади. Тем временем боец достиг окопа и навалился на фашиста. Тот próbовал сопротивляться, но Смирнов ловко ухватил его за горло. Немец захрипел. Смирнов попытался извлечь его из траншеи, но тот упёрся ногами и невозможно было с ним справиться.

Между тем тревога в стане врага продолжалась. Против горсточки наших бойцов немцы бросили несколько десятков своих солдат. Захлёбываясь длинными очередями, строчили пулемёты и автоматы.

— Русс, сдавайся! — хрипели простуженные глотки. Немцы бесновались, но никого не видели. Першин и его бойцы расположились в кустах, выжидая. Враги приближались.

— Бить очередями, — предупредил Першин.

Немцы были уже в тридцати метрах. Длинная очередь советского автомата проговорила грозно и внушительно. Вслед за ней ещё одна, ещё и ещё. До тридцати немцев полетело под метким автоматным огнём, остальные бежали. Разведчики опять затаились, припоявсь отражать вторую атаку.

Вдруг Смирнов, весельчак и любимец отряда,

попав в голову, шапка упала и на виске показалась кровь.

— Вася, что с тобой? — бросился к нему Першин. Но Вася молчал, искалеченный вражеской пулей. Лицо у него было спокойно. Лишь рука упала, протянутая в сторону врага.

В это время немцы во второй раз пошли в атаку.

— За Смирнова, за Васю, бей гадов! — крикнул Першин и бойцы не узнали его голос, столько было в нём ярости и боли.

В порыве Першин поднялся во весь рост с автоматом и бросился вперёд. Бойцы устремились за ним, хотя Першин и не отдавал им такого приказа. Горсточка храбрецов глушила немцев гранатами, колола штыками. Не выдержав яростной атаки советских разведчиков, немцы в беспорядке бежали. Лишь когда Першин и его товарищи начали отходить, снова заработали вражеские пулемёты и автоматы.

Вылазка закончилась удачно. Разведчики истребили до сотни фашистских солдат и офицеров, захватили пулемёты и ценные документы, составили схему расположения отневых точек врага и благополучно вернулись в часть. На личном счёту старшего сержанта Петра Першина в эту ночь прибавилось 30 истреблённых фашистов.

На этот раз даже недовольные не ворчали и Новиков больше не пред'являл Першину никаких претензий. Жаль было Смирнова, но за эту жизнь враг заплатил очень дорогой ценой.

Начало было положено хорошее, его продолжили. Тёмными ночами ходили разведчики в тыл врага, беспощадно выкуривая фашистов из их нор.

Першин не любил многословия и на вопросы об его опыте отвечал коротко:

— Выбирай ночь безлунную, — легче маскироваться. Накануне обязательно разведай местность: как лучше и удобнее пройти. Двигайся под пулемётную музыку — враг тогда не услышит. Действуй мелкими группами. А самое главное — води разведку смело и не теряйся!

**

Першина вызвал командир батальона, старший лейтенант Александр Кирьяшин.

— Плохи у меня дела, товарищ Першин, — проговорил он и, отвернувшись, сердито лобарабанил карандашом по краю стола.

— Разрешите узнать, в чём дело, товарищ комбат? — осведомился Першин.

— Вызвал меня, видишь ли, командир. Го-

верит: «Истребили вы двести тридцать немцев—это хорошо. Командование вас к ордену Ленина представило. Но комбату нет надобности проводить время на охоте. Людей надо поднимать на это дело».

Кирияшин помолчал. Закурив папиросу, он затаился, выпустил колечко дыма и продолжал:

— Шесть точек у меня для стрельбы оборудованы. Всё время с одной стрелять нельзя—немецкий снайпер быстро снимет. Пойдём покажу, будешь охотиться.

Они вышли из землянки. Тёплый весенний ветер раскачивал верхушки деревьев, и многолетние ели стонали скрипучими голосами. Подойдя по траншее к большому старому пню, Кирияшин остановился.

— Вот на этот корень,—заговорил он,—я кладу винтовку, а смотрю сквозь куст можжевельника. Я немцев вижу, а они меня нет. Давай подождём, авось, фриц появится.

Не меньше двух часов просидели они у этого старого пня. Наконец Першин заметил фанкиста, бежавшего к траншее, и схватил винтовку.

— Как, товарищ старший лейтенант, ранить или совсем? —прицеливаясь, спросил он.

— Конечно, совсем! —удивился Кирияшин.

Вечернюю тишину нарушил выстрел и в то

же мгновение фашистский солдат упал. Тёмная каска его далеко откатилась в сторону.

— Хорошо, — одобрил комбат, и Першин заметил, что впервые за весь вечер он улыбнулся.

Так они обошли все шесть точек. Почти с каждой из них Першин вёл огонь и уничтожил за этот вечер четырёх фашистов.

Прощаясь, Кирьяшин нахмурил брови и уставился на Першина, словно что-то припоминая.

— Да, — наконец сказал он. — Почему ты спросил меня: «Ранить или совсем»? Фрица что ли жалко стало?

— Что вы, товарищ старший лейтенант! Тут совсем другое дело. Когда ранишь одного фрица, он начинает орать блатим матом и к нему на помощь спешат ещё много фрицев. Тут их и снимаешь. Таким способом я однажды снял сразу четырёх.

— Ловко придумано, — рассмеялся Кирьяшин. — Да ты оказывается хитрец!

Они пожали друг другу руки.

— Смотри, не вздумай обогнать своего командира! — шутливо погрозил Першину комбат и скрылся в землянке.

*
**

Однажды Першин пришел к командиру батальона с несколько странным предложением:

— Разрешите младшего сержанта Тимофеева отправить в плен к немцам.

Кирияшин пристально посмотрел на Першина: «Уж не рехнулся ли тот», но старший сержант невозмутимо докладывал:

— Вчера один фриц кричал: «русс, переходи к нам, хлеба дадим...»

— Ну, а бойцы что? — прервал его Кирияшин.

— Что бойцы? Ответили крепким русским словом, а потом решили мы разыграть одну шутку.

И Першин детально изложил комбату свой план. Кирияшин внимательно выслушал его и полностью одобрил.

...Как и было намечено, «сдаваться в плен» пошел младший сержант — комсомолец Тимофеев. Першин выдвинулся вперед и залёг справа. Снайпер Рыжов — слева. Оба были с автоматами. Позади, на всякий случай, приготовился ручной пулемётчик.

Неловко пригибаясь, Тимофеев торопливо шёл к немецким траншеям. Метрах в пятнадцати от проволочного заграждения его остановил окрик часового:

— Хальт! (Стой!)

— Свой я, в плен сдаюсь! — умоляюще проговорил Тимофеев и поднял руки вверх.

Вот уже месяц немцы пытались добыть «языка». Они потеряли много своих разведчиков, но успеха не добились. Русский солдат, добровольно идущий сдаваться в плен, был соблазнительной приманкой. В ту же секунду из блиндажа выскочил немецкий офицер.

— Русе! Комм, дурхгант хир (сюда, проход здесь), — кричал он.

Но Тимофеев качал головой и продолжал топтаться на месте. Крик офицера, видимо, услышали солдаты: заспанные, они выскочили из землянок. Когда фрицев набралось десятка два, раздался тихий, короткий свист. Тимофеев, как подкошенный, упал на землю.

Тотчас же два советских автомата выпустили свои смертоносные запасы.

Встретив ползущего назад Тимофеева, Першин похлопал его по плечу:

— Да, ты, браток, прямо артист! Здорово разыграл фрицев. Мы их человек пятнадцать кокнули, да пяток покалечили. На сегодня хватит!

**

Совсем недавно о старшем сержанте Першине ещё никто не знал. Разве только командир всегда отмечал в нём спокойствие, смелость, любовь

и разумному риску. Сейчас о капитане-орденоносце Першине знают во многих частях.

Он истребил уже 80 фашистов, и это удалось ему благодаря той неистощимой изобретательности, с которой он обманывал немцев. Всё новые и новые ловушки расставлял он врагу, и каждая хитрость неизменно сопровождалась удачей. Он всегда выискивал новое и в этом, а не в какой-то сказочной богатырской силе была причина его успехов.

Першин уже два раза был ранен и оба раза быстро возвращался в строй. «Волжане—народ живучий», — шутил он, пожимая руки старых боевых друзей. Волжанина выдаёт в нем чуть заметное «оканье».

Он невысокого роста, коренаст. Самый обыкновенный воин, пожелавший стать истребителем и ставший им.

БЕССМЕРТИЕ

В суровые тревожные дни сентября 1941 года в Н-скую часть Волховского фронта прибыл ещё совсем молодой лейтенант-пулемётчик Иван Смирнов. Среднего роста, коренастый, румяный, он всегда был неизменно весел и спокоен. Вскоре ему пришлось участвовать в бою. Даже в сложной обстановке боя лейтенант сохранял присущее ему спокойствие. Ровным голосом он отдавал приказания, иногда шуткой ободрял подчинённых. В его светлых голубых глазах не было ни тени волнения, но когда разгорался бой, в них вспыхивал задорный злой огонёк, и тогда он, прильнув к пулемёту, беспощадно расстреливал наступающие цепи врага. Никто не вёл в те дни счёт истребленным захватчикам, но все видели, что не один десяток немцев был уничтожен его «максимом».

17 сентября Смирнова ранили. С болью в сердце провожали бойцы своего лейтенанта. Они успели полюбить этого весёлого, спокойного и жизнерадостного человека, они поверили в его военное дарование.

В санчасти Смирнов был недолго. Не мог он валяться на больничной койке в такое беспокойное время. Тянуло обратно на фронт, туда, где решалась судьба нашей Родины, нашего Ленинграда, наших матерей и отцов, жён и детей.

Вскоре он вернулся в строй. Но на щеках уже не играл больше яркий румянец, а в глазах всё чаще появлялся задорный злой огонёк.

Потом непартийный большевик Смирнов стал коммунистом. Когда его принимали в партию, он, как и всякий советский патриот, счёл это высоким доверием и поклялся оправдать его в боях.

А бои продолжались... Шли горячие схватки не на жизнь, а на смерть. Снова, как и в сентябре, стойко сражались богатыри-пулемётчики Смирнова.

4 ноября Смирнов получил второе ранение. Как и в первый раз, он снова не пожелал идти в госпиталь. Во время перевязки он спросил врачей и добился, чтобы его вернули в строй.

Прошло несколько дней. Смирнов успел уже

сродниться с бойцами нового пополнения. Пулемётчики полюбили его за храбрость, выдержку и спокойствие. Хотя и был он молод, но и пожилые его уважали, налету подхватывая каждое замечание своего командира.

Он был пулемётчиком, но как настоящий русский солдат любил свою трехлинейную винтовку и не расставался с ней. Вечерами, забирая свободных от наряда людей, он уходил, по его образному выражению, «глушить чертей». Он первый в части открыл прозный счёт мести. И воодушевленные примером, десятки красноармейцев стали с тех пор охотиться за немчурой.

Старший лейтенант Смирнов (он только-что получил новое звание) готовил своих бойцов к решающим боям. Красная Армия на ряде фронтов начала наступление, и Смирнов, руководствуясь своим боевым опытом, учил людей искусству побеждать.

Пулемётчики, воспитанные своим командиром, горели желанием быстрее вступить в жаркую схватку. И этот день скоро наступил.

Тогда же бойцы нашего фронта узнали о легендарном подвиге большевика Ивана Васильевича Смирнова.

**

Бой начался с рассветом. Под артиллерийскую

музыку бойцы пошли в наступление. От метких снарядов поднимались в воздух остатки неприятельских блиндажей, пулемётов, миномётов, взлетали вверх развесистые многолетние ели.

Рубеж, занимаемый фашистами, господствовал над окружающей местностью. Отсюда враг просматривал расположение наших частей, здесь он устроил наблюдательные пункты, чтобы корректировать огонь своей артиллерии. Подступы к этому рубежу простреливались ураганным пулемётным и миномётным огнём.

Но шаг за шагом красные воины неуклонно двигались вперёд. Когда же дело дошло до рукопашной схватки, враг не выдержал и побежал. Высота снова стала нашей.

— Держать рубеж, пока происходит перегруппировка, — таков был приказ Смирнову.

Немцы, конечно, хорошо понимали, что они потеряли. Поэтому их яростные контратаки начались немедленно. Пулемёты строчили безостановочно; казалось, что в них заправлены бесконечные ленты.

Фашисты пошли в психическую атаку. Они, эти отъявленные головорезы, шли во весь рост, рассчитывая напугать, ошеломить, потрясти.

В эту решительную минуту вражеская мина разорвалась на огневой позиции. Весь расчёт

вышел из строя. У «максима» остался один Смирнов. Увидя своих погибших товарищей, Смирнов молча прильнул к пулемёту. Теперь главное выждать мгновение и быть предельно спокойным — ни секундой позже и ни секундой раньше — начать. В этом весь секрет. Он почувствовал, как злость переполняет сердце. Вот она, расплата за всё. Он давно ожидал этого дня, и вот он настал.

Смирнов нажал на пашетку, когда немцы были совсем рядом. Пулемёт застрочил быстро, захлёбываясь, словно боялся опоздать.

Не выдержали фашисты метких очередей. На одно лишь мгновение они остановились и мгновение это было решающим, они дрогнули, побежали. Офицер отчаянно размахивал руками, останавливая бегущих, но те в животном ужасе продолжали бежать. Это окончательно взбесило офицера: он выхватил пистолет и стал в упор расстреливать бегущих солдат. Видя всё это, Смирнов только сейчас почувствовал, как болят у него зубы. Так крепко и незаметно для самого себя он сжал их, когда выжидал врага, припав к пулемёту.

Неудача разъярила фашистов. Высотка была буквально накрыта минами. Фашистские вояки, подгоняемые офицером, снова пошли в наступле-

ние. И снова, как в первый раз, их атака захлебнулась. Смирнов насчитал до трёх десятков трупов, оставшихся на поле боя.

Тогда немцы пустили в ход тяжёлый танк. За ним пугливо двинулась фашистская пехота. Тяжёлый танк и несколько десятков солдат против одного Смирнова!..

Ещё было время отойти. «Уйти, отступить, не принять бой», — пронеслось в голове Смирнова, — «нет, этого делать нельзя! Родина обязывает держаться до конца».

Смирнов знал, что танк один ничего не сделает. А вот если пропустить пехоту, она ворвётся в траншею, и тогда выгодный рубеж, занятый нами после кровопролитного боя, снова окажется в руках врага. Уничтожить пехоту — это и значило сорвать замысел противника.

Вновь застрочил «максим», выпуская одну очередь за другой, вновь начали падать фашисты, скошенные метким огнём. Лишь несколько гитлеровцев рысцой бросилось бежать к лесу, но и они не ушли от смертоносного свинца. Фашистский танк повернул обратно...

«Высоту нужно удержать во что бы то ни стало. Дорога каждая минута. Тем временем подспеют наши», — всё это отчётливо сознавал коммунист Смирнов.

Танк снова пошёл в контратаку. На этот раз он изменил маршрут. Стальное чудовище, громыхая гусеницами, двигалось прямо на бесстрашного пулемётчика.

Но не дрогнул Смирнов, не отступил. Только сильнее нажал гашетку и стиснул плотнее зубы. Пулемёт работал безотказно. Немцы шли по собственным трупам.

Прозвучал выстрел, и в то же мгновение эхом отозвался взрыв. Это фашистский танк обнаружил пулемётчика и повёл по нему огонь из пушки. Пулемёт покорибило, взрывная волна далеко отбросила Смирнова.

Старший лейтенант очнулся в ту же секунду. Он увидел, что пулемёт выведен из строя. Но раздумывать не оставалось времени. Смирнов быстро схватил винтовку и, торопливо прицеливаясь, меткими выстрелами снимал одного немецкого солдата за другим.

Он любил винтовку, и она в трудную минуту не подвела его. Один за другим промывали выстрелы и каждый раз падал враг, чтобы никогда не подняться.

Танк приближался, но Смирнов продолжал вести огонь.

...Мы не знаем, о чём думал в последние ми-

нута своей жизни двадцатидвухлетний герой Отечественной войны Иван Васильевич Смирнов.

Может быть, он вспомнил родное село Новосундарь, которое славится своими урожаями в Чувашской АССР и которое он защищал здесь, среди северных болот и озёр. Может быть, он думал о Ленинграде, его чудесных улицах и проспектах, зелёных бульварах и весёлых парках, о героических ленинградцах, не павших духом в суровые месяцы тяжёлых испытаний.

Одно можно сказать утвердительно: коммунист Смирнов сознательно шёл на самопожертвование во имя нашей Родины, во имя победы.

Он понимал, что победа сама не приходит. Она даётся ценой величайших трудностей и тяжёлых жертв. Сквозь рокот вражеского танка слышал он родные, близкие голоса.

Иван Смирнов погиб под гусеницами танка, но имя его останется в памяти потомков, ибо подвиг оказался сильнее смерти. В жестоком неравном бою враг так и не сломил одного советского воина.

Подоспевшие наши бойцы закрепили победу, добытую Смирновым, смело бросились на врага и потнали его на Запад.

**

Несмотря на позднее время, в большой, на-

дѣжной землянке стрелкового подразделения — шум, возня, смех. Красноармейцы обступили молодого паренька с медалью «За отвагу», только что вернувшегося с армейского слѣта снайперов.

— Хорош народ был! — оживленно жестикулируя, рассказывает паренёк. — Вот Кочегаров — серьёзный такой охотник, полторы сотни подстрелил. О хитрости много примеров приводил...

Наиболее терпеливые просят:

— Обожди, Саня, ребята подойдут с «охоты».

— Им тоже интересно послушать.

— Не торопись.

Саня ненадолго умолкает, но ему, видимо, не терпится.

— И я выступал, — продолжает он. — Говорю: мы, товарищи, завели у себя в подразделении счёт мести за Ивана Смирнова. Хлопнет кто-нибудь фрица и докладывает: «Это за старшего лейтенанта». Так и ухлопали около тысячи фрицев. А командующий ко мне с репликой: «Молодцы, говорит, что за одного тысячу уложили. Всем так нужно мстить. У каждого свои счёты — у кого мать немцы повесили, у кого отца в рабство угнали, или сестру обесчестили, или друга жизни лишили. За всё немцев бить нужно...»

— Обозеди, Саня, — вновь просят его товарищи.

Саня поднимает руку, как бы желая успокоить товарищей и на лице его появляется строгое, торжественное выражение.

— Споём, ребята, нашу любимую, — предлагает он. — А ну, Иванов, запевай.

Иванов в знак согласия кивнул головой. Потом он зачем-то снял шилотку, пригладил волосы и только тогда начал:

Над Родиной нашей, которой нет краше,
Немало отважных сынов...

Дружно бойцы подхватили:

И есть между ними родное нам имя —
Герой-пулемётчик Смирнов.

Голос запевалы звучит широко и властно:

Фашистские твари на нас наступали,
Огнём всё сметая с земли,
Без счёта их было, но чёрною силой
Смирнова сломить не могли.

Многие из тех, кто поёт сейчас эту песню, хорошо знали Смирнова. Это они шли на выручку герою-пулемётчику, и даже теперь они живо припоминают бушующий огонь и сплошной гул артиллерийской канонады.

Снаряды с досады обрушили гады,
Их танк на героя идет

...Будто вспоминая, поёт Иванов

Но с пибелью рядом в разрыве снарядов
Смирновский строчит пулемёт.

В землянку незаметно входят возвратившиеся с «охоты» истребители. На цыпочках они подбираются к пирамиде, ставят на место свои винтовки и включаются в общий хор...

Врага пулемётчик, боец непреклонный,
Как Родины доблестный сын,
Из ленты последней — последним патроном
Встречает — один на один.

Песня растёт, ширится. Суровы лица бойцов. Они будто видят, как отбивается прильнувший к пулемёту герой, будто слышат, как он говорит

последние предсмертные слова: «ничего, подой-^ддут ребята, всё равно наша возьмёт».

Успел лишь сказать он: «Товарищи, братья,
Вас Родина к славе зовёт!»

И в прохоте боя, над телом героя
Бойцы отвечали «Вперёд!»

В землянку входит новая группа снайперов.
Песня вырывается на волю и несётся над при-
тихшим лесом. И кажется, что, поднявшись
ввысь, она вместе с ветром летит над родной
землёй, и сотни тысяч голосов подхватывают
её, прославляя бессмертное имя героя.

СНАЙПЕР ПИКАЛОВ

Вечером сержанта Пикалова вызвал командир роты Смеюха. Пикалов торопился, но всё же опытный глаз его не мог не заметить некоторого оживления у переднего края. Справа, у молодой рощицы скрытно располагались миномётчики. Прошла группа бойцов с тремя станковыми пулемётами. Через несколько минут навстречу попались автоматчики. Где-то вдали чуть слышно стрекотали тракторы. «Что-то затевается», — подумал Пикалов и пошёл быстрее.

Командир роты коротко сообщил:

— Завтра начнутся горячие денёчки. Будешь находиться при мне.

— Есть находиться при вас, — козырнул Пикалов.

— А пока — спать! — не то приказал, не то посоветовал командир.

*
**

С рассветом разыгрался бой. Ухнули пушки, откликнулись миномёты, а затем всё слилось в сплошной гул. Снаряды проносились над головой, но это были свои снаряды; их бойцы узнавали по свисту и спокойно продолжали путь.

Рота Смеюха получила приказ оседлать дорогу и сейчас торопилась к концу артиллерийской подготовки форсировать болото. Холодная вода достигала пояса, неудачники иногда проваливались по горло, но движение не прекращалось. Подняв оружие над головой, оберегая его от воды и грязи, бойцы шли упрямо вперёд.

Открывшаяся впереди возвышенность не сулила ничего хорошего. Немцы встретили роту шквальным пулемётным огнём, и бойцы залегли у подножия высоты, прямо в непролазной грязи.

Смеюха подозвал Пикалова.

— Видишь куст можжевельника у развилки дорог?

Пикалов утвердительно кивнул головой.

— Слышишь, как хлещет гад?—Это—пулемётчик. Подберись и сними!

— Есть снять!

— Осторожнее, зря под пули не суйся!

И Пикалов от воронки к воронке, от куста к кусту, петляя и маскируясь, пополз к цели.

Смеюха любил Пикалова. Этот веселый и крепкий парень первым в подразделении открыл счёт и за короткий срок истребил двадцать немцев. Когда Смеюха говорил с ним, его всегда поражало, как много Пикалов успел изучить в сложном и трудном деле войны. Он мог бы, например, прочесть цикл лекций на тему—бей немца и будь жив сам. Он знал повадки гитлеровцев и даже на большом расстоянии никогда не принимал бы немецкого солдата за офицера или наоборот. Он подмечал то, что было скрыто от неопытного поверхностного глаза.

Смеюха высоко ценил его способности и сейчас был твёрдо уверен в успехе Пикалова.

Между тем Пикалов продолжал ползти. То расстояние, которое по прямой можно было преодолеть за полторы минуты, сейчас требовало десяти, и прополз он не более сотни метров. Кудрявая ветка можжевельника, которую Пикалов иногда выставлял впереди себя, вполне могла сойти за небольшой куст.

Когда до немецкого пулемёта оставалось метров сто, Пикалов залёг в глубокую воронку. Он был уверен в своей винтовке и мог поручиться за точность её. В оптический прицел он рассмотрел, что немецкие пулемётчики спеш-

но меняли ленту. Внезапная дерзкая мысль пришла ему в голову...

Он выждал, когда фашисты заложат ленту. Вот первый номер прилёт к пулемёту. Но он не успел нажать на гашетку, так точен был неожиданно полученный им смертельный удар. Второй пулемётчик, обезумев от страха, вскочил на ноги и опрометью бросился бежать в сторону. Пикалов угодил ему в затылок.

Так Пикалов оказался у пулемёта. Но «машинка» была незнакомой марки. «Будь что будет», — решил он и пулемёт на девяносто градусов изменил направление. В эту секунду откуда-то слева прострочила короткая очередь из ручного пулемёта. Пули вошли в землю впереди Пикалова. Вторая очередь значительно приблизилась к нему.

До пулемётчика было около сотни метров. Не решаясь ещё дать из трофейного оружия «настоящую» очередь, Пикалов паднул в землю. Получилось. Следующая очередь пригвоздила фашиста к земле. Справа открыл огонь второй пулемётчик, но и с ним Пикалов расправился также быстро и умело.

Когда рота с криками «ура» бросилась в атаку, Пикалов дал длинную очередь по от-

ступающим немцам и будто косой срезал нескольких фашистских солдат.

Смеюха встретил Пикалова как героя.

— Благодарю, (проговорил он, волнуясь. — И от всей роты—спасибо. Ведь ты её выручил.

...Встреча происходила за дорогой, на отвоёванной у врага земле.

*
**

В ходе боя Пикалов не разлучался с командиром роты. Вместе ползали они по изрытой минами и снарядами земле, вместе хоронились в воронках, ожидая, когда стихнет огневой налёт. Иногда Смеюха осторожно брал Пикалова за плечо и показывал:

— Видишь, «вальтер» сбоку, значит, офицер! Крой.

Пикалов скидывал винтовку и немецкий офицер падал, так и не разобравшись, в чём дело. Этим успех был наполовину обеспечен. Без офицера немцы не шли в бой, создавалась паника, а этого и добивался командир роты. Пользуясь замешательством врага, он вёл свою роту вперёд.

Несколько раз фашистские разрывные пули лопались где-то рядом. «Узнаю вас, гады, по почерку», — шутил Пикалов. Он залезал в воронку и пережидал. Смеюха поднимал каску,

немец бил по ней, а Пикалов по звуку выстрела искал фашистскую «кукушку», находил и снимал первой же пулей. «Эта песенку спела», — улыбался он и вместе с командиром полз дальше.

**

Наградили Пикалова вскоре после этих горячих боевых дней. У приземистой, чуть заметной землянки собрались друзья. Пикалову захотелось сказать боевым товарищам несколько слов. Первое, что вспомнил он, — это горячие дни наступления.

— Наступление — раздолье для снайпера, — говорил он. — Два дня повоевал, а счёт сразу на шестьдесят увеличился, и всё офицеры, автоматчики, пулемётчики, связные! В обороне такого «туся» иной раз месяц караулишь.

— А бить немца мы будем, друзья, беспощадно, бить до тех пор, пока последний немец не подохнет, как собака, и не настанет долгожданный день победы.

Он замолк, молчали и притихшие бойцы. Им представился такой день — счастливый, мирный, обязательно солнечный, со щебетанием птиц. Недалёк этот день, но завоевать его нужно в упорных, кровопролитных боях.

...Они готовы были завоевать этот день.

ЕЗДОВЫЙ

В землянку командира роты стремглав влетел боец и чётко доложил:

— Ездовой, гвардии красноармеец Воронов, явился по вашему приказанию!

— Хорошо, садитесь, товарищ Воронов...

— Есть!

Командир роты гвардии лейтенант закончил разговор с командирами взводов и обернулся к Воронову:

— Большое дело есть... К шести ноль-ноль нужно доставить боеприпасы.

— Есть к шести ноль-ноль доставить боеприпасы!

— Я хочу указать на сложность поездки... Немцы пристреляли дорогу. Половина пеших посыльных не вернулась. А завтра—наступление роты, боеприпасов потребуется много, да и срок ограничен. Ваше мнение?

— На войне всё бывает... Но мы с «Вороном» — верные друзья. Проскочим. Через часик немцы успокоятся, а я тем временем вернусь.

Лейтенанту нравился рассудительный ездовый. Он знал, что Воронов не раз попадал в сложную обстановку и всегда удачно выходил из положения.

— Ну, что ж, пожелаю удачи. Но помните шесть часов...

— Есть помнить шесть часов. — Снова перешёл на официальный тон ездовый. Он чётко повернулся и вышел из землянки.

Воронов повернул к низкорослому кустарнику, где его «Воронок» неторопливо похрустывал очередную порцию овса. Конь повернул голову, оторвался от торбы и тихо заржал. Воронов потрепал его упругую шею.

— Кушай, приятель, поправляйся, — ласково сказал он. — Сейчас мы с тобой двинем...

Он выпряг «Воронка» в двуколку и тронулся в путь. На востоке уже появился бледный румянец утренней зари. Над обширным болотом висела серая пелена тумана и дул прохладный летний ветерок. Конь бежал неторопливой рысью.

Только недавно смолк прозный рёв орудий с немецкой стороны. Доносились лишь отдельные

артиллерийские выстрелы, да частое тархтение пулемёта...

— Но-оо, дружище! — приговаривал Воронов, подёргивая за вожжи.

«Ворошок» хорошо слушался хозяина.

В густом сосновом лесу двуколка остановилась. Воронов нашёл вход и пробрался в подземелье. Разыскав начальника склада, он вручил требование на мины. Через несколько минут нагруженная доверху двуколка катилась в обратном направлении.

Ездовый смотрел на драгоценный груз и вслух соображал: «Если из трёх одна попадёт в цель, сколько немцев будет покалечено».

— Но-оо! — прерывая свои размышления, по-
нукал он «Воронка».

Так он проехал четыре километра. У перекрёстка Воронов услышал далёкий звук артиллерийского выстрела, а через несколько секунд возник знакомый зловеющий свист. Снаряд разорвался рядом и чёрный фонтан грязи высоко поднялся над болотом.

«Фрицы позавтракали», — подумал Воронов.
— Но-оо, дружище!

Теперь снаряды падали везде: справа и слева, спереди, сзади. «Ворошок», часто вздрагивая, в тревоге покусывал удила.

— Проедем, «Воронок», обязательно вывернемся, — успокаивал его ездовый.

Из-за далёкого леса брызнули солнечные лучи. «Воронок» прибавил шагу.

Дорога была пристреляна немцами, и они выпускали по ней до десятка снарядов и мин в минуту. Полотно дороги покрылось крупными воронками и ездовому всё чаще приходилось сворачивать в сторону. Объезжая воронки, он боялся также увязнуть в болоте. А темп огня усиливался...

Воронов хотел, было, дупрять «Воронку» в щель и посидеть хоть час в укрытии. «Не будет же огневой налёт два часа продолжаться», — подумал он. Но тут пришла на ум цифра шесть; она, эта цифра, казалась опромной и застилала всё. Воронов вспомнил, что опоздание хотя бы на пятнадцать минут будет непоправимой ошибкой. Он мысленно представил наступающих наших бойцов... Всё идёт хорошо. Но вот немецкий пулемёт преградил дорогу — его нужно подавить. Нечем. Необходимо накрыть группу немцев на близлежащей высоте. Нечем. Рассеять контратакующих немцев. Опять нечем! И рота терпит потери и возвращается на исходные рубежи. Попробуй после такого показаться на глаза друзьям! «Будь что будет, — решил он, —

рискну один, чем подведу товарищей». Он подстегнул коня и тот, твёрдо ступая по изрытой снарядами дороге, прибавил шаг.

Рядом разорвалась мина. Воронов не видел взрыва: его оглушило и выбросило из повозки. Он потерял сознание.

Первым, что он услышал, когда пришёл в себя, были чьи-то приглушённые голоса. Он прислушался:

— Ди пашире вет немен... (Заберем бумаги).

То была чужая, незнакомая речь.

Воронов попытался понять, что же произошло. Голова казалась тяжёлой, но резкой боли не чувствовалось нигде. «Значит не ранен», — подумал он.

Шорох в кустах становился всё слышнее. Немцы приближались. Воронов осторожно нащупал гранату, незаметно извлек из кармана запал и приготовил гранату к броску. Стоило это немалых усилий: двигаться было трудно — кружилась голова, плохо повиновались руки, да и немцы были рядом...

— Эр риртэ зихь! (Он зашевелился).

— Дир хат эс петроимт, гефрайтер. (Тебе приснилось, ефрейтор).

Воронов собрал все силы и бросил гранату. Взрыв раздался моментально, с минуту слыша-

лись стоны, а потом всё стихло. Артиллерия тоже не стреляла. С трудом поднявшись, Воронов пошёл в кустарник и наткнулся на трёх убитых им немцев.

— Ишь куда пробрались, гады,—покачал он головой. Забрав офицерскую сумку, он вышел на дорогу. Солнце стояло над самой верхушкой далёкой ели. «Немного времени прошло»,—подумал он.

Повозка стояла без левого заднего колеса, мины валялись на дороге. «Воронок» сорвался с дороги и увяз в болоте. Спина у него была поцарапана осколками. Ездовый быстро разорвал индивидуальный пакет и приложил вату с бинтом к ране боевого друга. «Воронок» замотал головой. Потом, напрягая силы, он выбрался из болота. Привязав к оси колышек вместо колеса, Воронов дернул за вожжи и тронулся в путь.

— Разрешите доложить, ваше приказание выполнено!

Командир роты посмотрел на часы.

— В срок сделал, молодец! Ну, как доехал?

— В основном хорошо, только колесо минной отшибло, да трёх немцев пристрелил в дороге.

И он рассказал лейтенанту обо всём, что с ним произошло.

— О, ты совсем молодец! — улыбнулся лейтенант.

— Мы с «Воронком» не можем иначе, — пошутил в ответ ездovýй.

Через час, поглаживая в низкой землянке своего «Воронка», ездovýй услышал начало нашего наступления. Среди тяжёлых залпов артиллерии отчетливо выделялись глухие выстрелы миномётов.

— Ну, вот, дружище, — сказал он «Воронку», — пригодились и наши гостинцы.

Он стал запрягать лошадь, готовясь в очередной рейс.

Сентябрь 1942 года.

КЛОЧОК ЗЕМЛИ

— Началось...

Михаил Николаев поправил непокорную прядь волос. Она всегда, как на зло, выбивалась из-под пилотки и придавала смуглому, сосредоточенному лицу его мальчишеское наивное выражение. На этот раз он даже со злостью упрятал её под пилотку. В это маленькое подразделение Николаев прибыл два дня назад как представитель политотдела армии. Командир вышел из строя, и Николаеву пришлось его заменить.

Правда, Николаев мог уйти. Сегодня у него кончался срок командировки, и вчера по телефону напомнили, чтобы он не задерживался. Но уйти было нельзя, каким-то чутьём он догадывался — немцы готовят здесь удар.

...В воздухе слышался рокот моторов. Он

нарастал с каждой минутой. Низкие облака плыли по небу медленно, подгоняемые тихим летним ветром... Вражеские самолеты нашли в них «окно», плавно вынырнули и с воём стали пикировать. Они шли в упор на человека (так, по крайней мере, казалось, когда самолёт камнем падал вниз с высоты). Через короткое время к этому вою прибавился резкий звенящий свист бомб.

— Ложись!—крикнул Михаил и сам прыгнул к обнажённой, покрытой копотью разрывов, земле.

Бомбы рвались часто и тих тяжёлые разрывы сливались в сплошной непрерывный гром. В конце траншеи послышались стоны. Одному из бойцов оторвало руку. Он громко стонал, с ужасом и недоумением оглядывая то, что осталось у него от руки.

— Санитара!

— Нет его,—ответил в стороне чей-то простуженный голос,—он был там... Михаил повернул голову и увидел большую воронку.

Раненого перевязали. Он стонал, смотрел непонимающими глазами на суетившегося около него Николаева и инстинктивно дёргал плечом, как бы стараясь оттянуть руку и этим смягчить терзавшую его нечеловеческую боль.

А бомбы сыпались, как горох, большие и ма-

лые, со свистом и воем, и вновь дрожала земля и падали сраженные осколками люди.

Когда последний фашистский стервятник ушёл отбомбившись, заговорила артиллерия. Горизонт заволокло дымом, огненные вспышки появлялись в разных углах искромсанных снарядами молодой рощицы. Чёрные султаны разрывов вырастали впереди и сзади узкой траншеи, которая, словно стальная крепость, преграждала путь врагу.

— Не могу понять, товарищ политрук, — сказал молодой загорелый украинец. — Ежеминутно самолёты, бросают снаряды тысячами и по такому клочку земли! — Политрук не успел ответить. Как раз в этот миг послышался шум, похожий на торный обвал. Огненные кометы одна за другой понеслись в сторону врага.

— Всыпь, «катенька»! — встрепенулся украинец, — пусть знают наших...

Немцы замолчали.

— Клочок земли, говоришь? — глаза Михаила заблестели. — Немцы не зря шрут сюда, как обалделые. Есть этому причина.

Михаил решил воспользоваться минутой затишья.

— Этот клочок земли, прежде всего, возвы-

шенность. Отсюда видать всё как на ладони. Вон правее дерётся гвардейская часть. Она сделала брешь в укрепленной полосе противника и ушла вперед, километров на десять в сторону С. А мы прикрываем её левый фланг...

Прутиком он начертил на песке схему.

— Как видно, немцы хотят подрезать её под корень и зажать в тиски...

— Ну, это у них не выйдет, — вырвалось у бойца.

— Для этого мы и поставлены, чтоб не вышло, — подхватил Николаев. — Командование знает — не подведём. И на выручку к нам скоро придут.

Политрук посмотрел на лес, казавшийся издали сиреневой неподвижной стеной. Что же за этими стройными соснами? И почему вдруг прекратился огонь?

Притгибаясь, Николаев пошёл вдоль траншеи. Бойцы напряжённо смотрели вперед, в сторону врага. Они ждали, что политрук объяснит, почему прекратился огонь, и Николаев чувствовал это. На фронте ничего нет более подозрительного и зловещего, чем тишина, установившаяся после жаркого боя.

— Что-то примолкли фрицы, товарищ политрук?

— Не понравилась песня «катыши». Они «впечатлительные», когда их бьют...

— Правильно, — подтвердил красноармеец с рыжеватыми усиками. — Били мы под Тихвином их, так они от страха в бабьи сарафаны наряжались. Умора.

— Но вернее всего, товарищи, — немцы снова начнут, — предупредил Николаев. — Видимо, авиацию пустят.

Он окинул взглядом разрушенные избы, видневшиеся поодаль, и продолжал:

— Да, счастливая жизнь была. Вот, где стоят эти избы, год назад была деревня. Вечерами молодёжь песни пела, влюблялась. Из Ленинграда сюда приезжали на отдых, отсюда до города рукой подать. А сейчас там только груды развалин.

— А тут нас, на Полтавщине, — мечтательно заговорил украинец. — Эх, и жизнь была...

Он не закончил фразы, снова послышался гул моторов.

— Летят, — сказал красноармеец с рыжеватыми усиками.

Вторая группа опять обрушилась на клочок земли, защищаемый горстью храбрецов.

Изредка, между паузами разрывов, Николаев смотрел в сторону леса, где сейчас находился

враг. Там копошились маленькие фигурки. Николаев пополз по узкой траншее, поправляя непокорную прядь выбивавшуюся из-под пилотки, когда наклонял он голову. Его гимнастёрка за эти дни потеряла свой цвет. Да и сам политрук изменился: глаза ввалились и щёки запали, нос обострился. Но он не ощущал этих перемен. Он смотрел на бойцов, на их изнуренные боём, но спокойные лица, и какое-то радостное чувство овладевало им. Суровые месяцы войны закалили людей. Он помнит, очень хорошо помнит прошлый год. Тогда всё было не то — и техника и люди. Война, как опытный сталевар, давала людям прочную, надёжную закалку.

Стервятники ушли. Тотчас же засвистели снаряды и мины. И всё вокруг загудело. Серая пыль застилала глаза и уши. Казалось, земля не выдержала раскалённого металла и начала тлеть, как тлеет сырое дерево. Едкий дым расползался по широкой поляне, закрывая её.

Вдруг к ставшему уже привычным грому разрывов опять присоединился рокот моторов. Сквозь пелену бурого дыма люди увидели наступающие танки и перебегающую под прикрытием их пехоту.

— Ваша очередь, — сказал Николаев броне-

бойщикам.—Главное—не торопиться. Пусть даже танки пройдут, не страшно, а с пехотой расправимся.

Он подполз к тяжело раненому красноармейцу и взял у него ППД.

— Когда подойдут танки, бейте пехоту, — приказал он бойцам.—Немцы без брони, как змея без жала...

Лязгая гусеницами, танки приближались к траншее.

— Огонь!

Застучали винтовки. Сизый дымок от ружейных выстрелов медленно таял в воздухе. Николаев дал длинную очередь из ППД. Несколько немцев, бежавших за танком, упали. В то же время танк запылал, подожжённый бронебойщиками, но остальные машины прозно двигались вперёд.

Николаев расходовал уже третий диск...

— Держаться, товарищи, — крикнул он, — на нас надеются твардейцы. Уходить нельзя...

Танки били уже прямой наводкой. Мелкокалиберные снаряды прилетали с резким свистом и, ударяясь о бруствер траншеи, разлетались на сотни осколков.

Вдруг чёрная стальная громадина танка медленно перешагнула траншею. Это было так не-

ожиданно, что боец, над которым прошёл танк, даже не вздрогнул.

— Вот здорово,—коротко сказал он, выбравшись из-под земли, которой его забросало. Он молча стал продолжать вести огонь по гитлеровцам.

Остановился ещё танк. Но остальные приближались, а за ними—пехота. На этот раз немцы решили, видимо, разделаться с маленькой высотой, что была у них бельмом на глазу.

В траншее многие раненые оставались в строю. В глазах их ещё сильнее горел неугасимый огонь ярости.

В прохот мичных и артиллерийских разрывов вплелись дробные трели автоматов.

Прикрытые броней фашисты нагоняли панику, выпуская длинные очереди направо и налево.

Группа немцев приблизилась к траншее.

— Гранаты!—скомандовал Николаев.

Десяток гранат полетел в наступающих и задержал их. Часть немцев, оставшаяся в живых, поспешила скрыться за танками.

Клочок земли заволокло сизым дымом.

Николаев стоял с украинцем и расчётливо выпускал уже четвёртый диск. Вдруг он покачнулся, поник головой и стал сползать на дно траншеи. Пальцы его ещё нажимали на спуско-

вой крючок. Раздалась последняя короткая очередь и пули ударили в землю, в нескольких шагах от траншеи. Украинец подхватил Николаева под руки и только теперь понял, что он мёртв. Пробиваясь из-под волос, по лицу Михаила обильно струилась кровь...

— Товарищи, политрука убили! — с отчаянием крикнул украинец.

— Николаев убит, — пронеслось по траншее.

На лесной опушке открыло огонь наше противотанковое орудие. Яростно заговорили винтовки.

Танки повернули назад.

Очередная, пятая по счету, вражеская атака захлебнулась.

На дне глубокой траншеи лежали убитые и здесь же лежал сражённый на смерть политрук Николаев. Алая струйка крови стекала на рыхлый песок...

— Погиб орёл, — с болью произнёс украинец. По-геройски он умер... А мог уйти на законном основании... Но с нами остался...

Боец с рыжеватыми усиками окинул взором траншею.

— Нас не возьмут! И никуда не уйдём. Так сказал политрук... Правильно говорю, товарищи?

— Правильно. Ещё восемнадцать нас,—быстро подсчитал украинец,—а это—сила!

В воздухе снова послышался рокот моторов. Бои за клочок родной земли продолжались...

Сентябрь 1942 года.

КОМАНДА НА ЧУЖОМ ЯЗЫКЕ

Подразделение уже несколько часов вело бой с противником и понесло потери. Старший сержант Понов послал связного на командный пункт батальона сообщить о случившемся, но прошёл час, а помощи не было.

Между тем, командиру доложили, что справа, в долине накапливается группа немцев. Потом приполз красноармеец и сообщил, что фашисты обходят слева. Впереди себя Понов заметил двух станковых пулемётчиков. «Хотят окружить», — решил он.

На всякий случай командир расставил свою маленькую группу так, чтобы встретить немцев с любой стороны...

Бойцы уже слышали зловещий шорох в густых зарослях ивняка. Иногда над кустами мелькали тёмные немецкие каски и так же быстро исчезали, как и появлялись.

А подкрепление всё не подходило...

— Наши!—вдруг с надеждой крикнул один боец.

— Где?—резко обернулся к нему Понов.

— А вон выходит из-за кустиков, смотрите...—Боец подполз к командиру и показал в сторону пригорка, где выступал редкий кустарник.

Понов увидел, как чуть пригибаясь красноармейцы спешили на выручку. «Спасены»,—с облегчением подумал он. Однако, немцы могли неожиданно ударить подходящей группой во фланг.—Понов быстро принял решение. Через минуту он уже полз навстречу друзьям.

— Откуда, ребята?—на всякий случай спросил Понов.

— Свой! Автоматчики! Идем на выручку. Показывай место!—не скрывая улыбки, ответил командир.—Будем знакомы... Он протянул Понову руку: младший сержант Иванов.

— Старший сержант Понов. Относительно места будьте спокойны—найдем. Связой мой с вами?

— Он остался у командира полка,—ответил Иванов.

— Вот черт его возьми!—Понов сердито выругался.—Я же послал его к командиру батальона! Вы его видели?

— Как же? — младший сержант даже обиделся. — Ну ладно, не будем задерживаться, товарищ командир. Уж очень немцев побить хочется. Мы их — подлых захватчиков, погоним сейчас... Бивали мы их, знаем, как они драться умеют.

Сержант Понов не любил промких фраз. Что-то начинал не нравиться ему и новый помощник. «Видно на слова мастер, а воевать — обождать», — подумал он. И, перешолзая от бугорка к бугорку, от кочки к кочке, продолжал расспрашивать:

— Сам командир полка послал?

— Конечно!

«Почему всё это делал командир полка, — недоумевал Понов, — ну, если заблудился связной, так могли же его направить в батальон, тем более у комбата есть свой резерв». И он, наконец, решил:

— Всё ещё Новиков командует?

— Он самый.

— И очки не бросает?

— Носит для солидности...

Понов внимательно посмотрел на автоматчика.

— Ты что не веришь, всё время расспрашиваешь? — насторожился Иванов.

— Верю, но сам знаешь, проверка! Так командиры требуют, — пояснил Понов.

— Это верно! — согласился младший сержант. — Поползли!

Понов, действительно, сомневался. Когда автоматчик самоуверенно подтвердил, что послал их командир полка Новиков, которого в полку не было, что носит он очки для солидности, хотя командир очки терпеть не мог, — Понов заподозрил неладное. «Или болтун, — решил он, — или ещё хуже».

До траншей роты оставалось метров двадцать пять. Понов обернулся и остолбенел: у автоматчика из кармана торчала немецкая пилотка с эмблемой хищной птицы и свастики. Понов даже смутился, но вида не подал.

Теперь он часто оборачивался в сторону бойцов. Они ползли, старательно расчищая себе тропу. Взгляд Понова задержался на младшем сержанте. Он поминутно смотрел на своих подчиненных и те понимали каждое его движение. Вдруг Понов подметил одну деталь, которая ещё более усилила его подозрение: у Иванова «наган» был пристёгнут с левой стороны — как у немцев.

Понов полз медленно и страшная противоречивая мысль терзала его. «Немцы... а вдруг нет? Ведь у них безукоризненная красноармейская форма, советские автоматы, да и младший сержант».

жант так чисто и правильно говорит по-русски! Тогда зачем пилотка немецкая в кармане? А вдруг нашёл? Но зачем тогда младший сержант нарушает устав и носит «наган» на левой стороне? Почему же он так врал, рассказывая про командира полка? Нет, что-то не то!» Выводы, опровергая друг друга, теснились в голове.

— Зихь берайтэн (приготовиться!) — неожиданно крикнул Понов по-немецки и оглянулся.

Все автоматчики схватились за оружие, но младший сержант махнул рукой и они снова поползли спокойно.

— Ловко я пошутил! А? — обернулся Понов к младшему сержанту.

— А ну тебя! — отмахнулся Иванов. — Разве на войне так шутят!

Теперь Понов был уверен, что враг, не взявший высоту в открытом бою, прибежит к провокации. «Прямо не люди, а механизмы какие-то», — вспомнил он, как выполняли автоматчики поданную им команду. Да, это были враги. Но как дать понять своим бойцам, как направить на них дружный ружейный огонь.

Понов подполз к большому круглому камню. Он взял влево и очутился за надежным укрытием. Прилёт, поднял руку и (будь, что будет!) скомандовал:

— Огонь, по немцам!

Дал из ППД длинную очередь. Несколько автоматчиков унало. Остальные бросились бежать вперёд, но тут их встретили метким огнём бойцы, понявшие, с кем они имеют дело.

«Младший сержант Иванов» негодуя закричал:

— В своих стреляешь, ослеп, что ли? Ответишь!

Но когда «Иванов» оглянулся и увидел, что его группа мечется, как стадо баранов—беспорядочно и трусливо, он вышел из себя. Выхватил из кабуры «наган» и угрожающе размахивая им, что-то закричал на чистом немецком языке. Лицо его перекосила злоба; он бегал, потеряв шилотку, стреляя в спину удирающим солдатам. Понов теперь увидел подлинное лицо врага и, прицелившись, выстрелил. «Младший сержант», наклонившись, пробежал ещё несколько шагов, затем перепнулся и упал на спину, широко раскинув руки.

Автоматчиков били вдогонку. И когда они уже были готовы уйти в кусты, оттуда их встретили огнём. Немцы повернули назад и заматались в разные стороны. А их били с двух сторон, били метко и беспощадно. После того, как группа была уничтожена, из леса показались бойцы.

— Кто идёт?—желая ещё раз проверить себя, крикнул Понов.

— Свои!—Понов узнал командира отделения—своего старого друга. Попали мы под артиллерийский обстрел, вот и задержались, — пояснил он, — хорошо, что подоспели во-время. Мы думали, что впереди свои, но видим—бить вы их начали, а они по-немецки орут...

Они подползли к убитому автоматчику — «младшему сержанту Иванову», расстегнули его гимнастёрку. Под ней был новенький офицерский мундир и погоны со знаками различия обер-лейтенанта.

Командир отделения посмотрел на остеклянные голубые глаза офицера, и брезгливо плюнул в перекошенное злобой тупое лицо...

Октябрь, 1942 год.

НАДЮША ЕФРЕМОВА

Наде Ефремовой — двадцать лет. И молодость берёт своё. Иногда, после жаркого боя, Надя вдруг зальётся таким весёлым, жизнерадостным смехом, что самые молчаливые и утруемые не выдерживают: «Вот хохотунья», — скажет иной и сам улыбнётся.

Её знают не только в своём подразделении. Во время боёв о Наде говорили во многих частях, называли ласково и любовно — «Надюшей». Стоило только кликнуть, и в ту же минуту словно из-под земли вырастала лёгкая фигура девушки в серой красноармейской шинели.

— Иду, иду, родные, — громко отзывалась она, и слово это, простое и нежное, успокаивало раненых.

— Пустяки, как пчела укусила, — говорила она легко раненым. — Пройдёт, поправят, обязательно вылечат, — ласково ободряла она

бойца, находившегося в тяжёлом состоянии. Выносила бережно, даже малейшего сотрясения не чувствовалось.

В туманную, дождливую ночь 21 октября Надежда Ефремова перевязала, вынесла с поля боя и отправила на пункт медпомощи сто пятьдесят раненых бойцов и командиров. Всю эту ночь бушующий огонь немцев грозил срыть высоты, и невозможно было даже приподнять головы. А Надя, не задерживаясь на пункте, снова ползла туда, где безжалостно свирепствовала смерть. От глухих разрывов кружилась голова, и девушка ежеминутно раскрывала рот, чтобы не оглохнуть. С резким свистом разлетались осколки. Она ползла по воронкам, которых было здесь множество, на мгновение задерживалась, когда снаряд разрывался рядом, и снова неодолимое желание увлекало её вперёд. Много слов благодарности услышала она в ту ночь, многие долго пожимали ей руку, а один командир с окладистой чёрной бородкой, обняв Надюшу, с умилением проговорил: «Ты будто дочь родная. Знаешь, хорошая дочь у меня была, Катюшей звали. Замучили немцы...» — командир не удержался от слёз...

Потом он молча пожал ей руку и, пошарив в кармане, вынул аккуратненький трофейный

браунинг. «С начала войны нопу. В июле во-
дил людей в атаку, смотрю целится немецкий
офицер. К счастью — осечка, я руку нетодяю
прикладом перешиб, а браунинг взял на память.
Вычистил, в порядок привёл. Ты не беспокойся,
голубка, — бьёт хорошо».

Через несколько дней в подразделение прибыл
фоторепортёр. Ему представили Надежду Ефре-
мову как отличившуюся в боях. Она смутилась
и показала на девушку из столовой.

— Вы Клаву сфотографируйте — она в сто-
ловой работает и раненых перевязывать успе-
вает...

Тёпло и душевно беседовала Надя с ране-
ными бойцами. Она рассказывала им о Ленин-
граде, о героях города, о живописных местах,
превращенных в пещелища немцами...

— Кто из вас знает Пушкин, Слуцк, Петер-
гоф? — спрашивала она.

Половина раненых утвердительно кивали го-
ловой.

— Так знайте, что они сделали. Главный
зал Екатерининского дворца в Пушкине взорван,
Камеронова галерея разрушена, все историче-
ские ценности разворованы. В Екатерининском
парке масса трупов, а по улице вдоль парка —
сплошные виселицы. «Самсон» из Петергофа

увезён в Германию. По английскому дворцу немцы выпустили 2.000 снарядов, а потом подожгли. Петровский дворец уничтожен. Знаменитая Пулковская обсерватория разбита фашистами из тяжёлой артиллерии...

Надя делала короткую паузу, но, взглянув на примолкших слушателей, продолжала:

— Трудно сейчас ленинградцам. Нет воды, дров, хлеба, нет света, трамваи не ходят. Но ленинградцы не позволят поставить себя на колени. Этого не будет, товарищи, никогда. — Голос Нади дрожал от волнения.

Кто-то поддакнул: — Хорошо сказано. Правильно.

Надя часто писала для раненых письма на родину. Письма дышали своей простотой, лаконичностью, любовью к отчизне. Но в каждом из них было и своё что-то особенное: новые свежие мысли и сокровенные чувства.

Однажды Надя зашла на пункт медпомощи. Её поманил пальцем тяжело раненый. Он уже поправлялся. Надя не знала его, но привыкла ко всем относиться ласково:

— Ну, что, голубчик?

— Письмо бы написать, — попросил он.

Она быстро достала листок бумаги и карандаш. Раненый долго думал и потом тихо сказал:

— Ципи:

«Здравствуй, дорогая жена Шура и дети Валя, Коля... (он дышал тяжело, с присвистом)... только-что начал приходить в себя. Врачи говорят — живуч!» — он остановился, перевел взгляд на сестру:

— Да, тебя как зовут-то, дочка?

— А зачем?

— Понравилась! Может... предложение хочу сделать! — улыбнулся раненый.

— Эх и шутник же вы! Ну Надей зовут, Надежда Ефремова.

— Надежда... Это хорошее имя. Прошу дальше... «Да, дорогие, у нас здесь были жестокие бои. А ранен я был так. Перед наступлением переправлялись мы со своей миномётной батареей на другой берег. А тут снаряды падают, видимо-невидимо. Ну и ранили меня. Лежу, а кругом никого. А немцы бьют и бьют. И укрыться не могу...»

Он остановился, тяжело вздохнул.

— Не устала?

— Нет, нет, что вы!

«Лежу и думаю: значит, прощай, жена и милые детки. И обиднее всего — даже не перешел на ту сторону, не схватился с немчурой...»

Ощущение острой боли заставило раненого закрыть глаза. Он сжал губы и вцепился в одеяло пальцами, чтобы не застонать. Лежал так минуты две. Потом продолжал:

«И вижу—ползёт человек в ушанке. Пуль не боится, на осколки не обращает внимания. Ещё больше удивился я, когда увидел, что это была девушка. Она перевязала мне раны и понесла. Жаль мне было девушку, говорю: брось, а она как закричит на меня: «молчи, пока цел». Пришлось подчиниться!»

— Отчаянная значит дивчина-то!.. а? заметила Надя.

— Ещё какая!

«И звали эту девушку, как я узнал после, Надей Ефремовой...»

Надя смутилась:

— А может это вовсе и не я была? Не надо писать это!

— Я не ошибся. Человека замечу, на всю жизнь запомню. А ты спасла жизнь... — тебя до смерти помнить буду. Ты смотри, напиши эту фразу... Написала? Прощу писать дальше!..

«И вот я поправляюсь. Скоро, говорят, пойду на фронт. Рад этому. Ведь за раны-то немцы должны расквитаться! За мужа и отца вам кра-

снеть не придётся. Целую, вас, дорогие мои, крепко и горячо. Ваш муж и отец Николай»...

— Вот, всё... Получит жена—обрадуется. Тебе письмо напишет. Это уж обязательно...

Через месяц Надя, действительно, получила письмо. Там была фотокарточка: мать и двое милых, смеющихся малышей. А на обороте написано: «Надюше Ефремовой, спасшей нашего дорогого мужа и отца. Спасибо, родная».

...Она не любила, когда её хвалили. Пунцовый румянец залёт вдруг щёки, и Надя, словно провинившаяся, опускает тогда голову.

Часто повторяла она, чтобы отвлечь от себя внимание: «Я то что, вот...», и упоминала чьё-нибудь имя. И кто знает, долго ли она ещё произносила бы эту фразу и умаляла свои заслуги, если бы в газете не появились почти одновременно два приказа: Военный Совет фронта наградил Надежду Павловну Ефремову орденом Ленина и медалью «За отвагу».

Слава о доблести двадцатилетней комсомолки разнеслась по всему фронту.

Март, 1942 года.

237467

